Общероссийский Монархический Фронт

ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ БОЛЬШЕВИЗМА ТОЛЬКО ЦАРЬ СПАСЕТ РОССИЮ ОТ НОВОГО ПАРТИЙНОГО РАБСТВА

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА
ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

Editor - Director
TATIANA K. DE DUBROWSKY
Monroe 4219, Dpto. 10
1430 Buenos Aires Argentina

"NUESTRO PAIS"
SEMANARIO MONARQUICO RUSO
Registro Nacional de Propiedad Intelectual Nº 949917

Correo Argentino Suc. 30 (B)

FRANQUEO PAGADO
Concesión Nº 4233
Concesión Nº 3980

INTERES GENERAL

AÑO XXIX Buenos Aires, martes 20 de Setiembre de 1977 • Буэнос, Айрес, вторник 20 сентября 1977 г. № 1438

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

ОБЛИВАТЕЛИ ГРЯЗЬЮ

Велик на Западе спрос на дискредитацию русской культуры; даже на изъяны в товаре не глядят! Антикоммунисты отождествляют коммунизм и Россию; прокоммунисты валят на русских ответственность за ужасы большевизма, каковые теперь уже нельзя замазать перед лицом мира. Чая славы и денег, иностранные специалисты не стесняются, вопреки очевидности, отрицать подлинность не то, что «Слова о полку Игореве», а и... переписки Курбского с Иоанном Грозным! Но особо нужны и ценятся русские же ренегаты. Не диво, что появляются на сцену зловещие фигуры Синявского со присными (Некрасов, Горбаневская, Вишневская), Шаховской и — менее пока известного Зарубежью — С. Карлинского.

Сей последний изобрел новый способ подмарывания русских писателей: всех подряд обличает в .... гомосексуализме! Начал он с Есенина, мотивируя обвинение тем, что рязанский соловей был три раза женат, часто влюблялся и оставил кучу детей, законных и незаконных. Глазам не веришь: да ведь это, казалось бы, скорее доказывает обратное?! Притом, сколько тогда других поэтов тоже становятся подозрительными; например, Пушкин, Гейне (которые, однако, терпеть не могли педерастов и громко на сей счет высказывались... как, впрочем, и Есенин...).

Антиесенинский поклёп этот обсуждался в «Новом Русском Слове», где А. Сергеев без труда уложил клеветника на обе лопатки, хотя тот и опубликовал в ответ письмо в редакцию под красноречивым заглавием: «В защиту гомосексуализма».

К предмету не стоило бы возвращаться; если бы Карлинский не выпустил в дальнейшем в свет, по-английски, книгу о Гоголе, обвиняя автора «Мертвых душ»... опять-таки в гомосексуализме! Заладила сорока Якова, одно про всякого... Только аргументация уже иная: Гоголь вёл монашеский образ жизни, в браке не состоял, любовниц не содержал... следовательно, несомненно являлся адептом однополой любви. Куда ни кинь, всё будет клин. Бегать ли за женщинами, избегать ли их, — всё равно угодишь в содомиты. Ну, а люди семейные и супруги примерной верности? Ах, вряд ли Карлинский пощадит и их; чуем, что он со временем возьмется и за А. К. Толстого, Хомякова и прочих.

В подтверждение своим бредням, Карлинский заявляет, будто Гоголь не умел изображать женщин. Вот те на! А Пульхерия Ивановна, Солоха, Коробочка, чьи имена стали нарицательными? А жена и дочь городничего в «Ревизоре»? А что образы Ганны или Оксаны черезчур, де, милы и поэтичны, — так разве нет на Украине хороших девушек? Именно гомосексуалистам присуще отрицать непонятные им женские прелесть и очарование... У Гоголя же восхищение перед женщинами слишком ясно проявляется, чтобы ему подобные свойства приписывать.

Личность великого человека привлекает любопытство почитателей; но есть пределы дозволенного, и не подобает лезть ему с сапогами в душу. Религиозный до исступления, строгий к себе до аскетизма, скрытный, ибо мучительно впечатлительный, Гоголь ревниво охранял свою внутреннюю трагедию. Кого он любил, какие разочарования пережил, отчего не вступил в брак, — никому не известно. Легкомысленные же интрижки он бы счёл за тяжкий грех (и уж, верно, спрятал бы от людского взгляда, даже и имей они место).

Предположения о каком-либо у него физическом дефекте — несостоятельны; хотя бы потому, что он, по меньшей мере один раз, делал предложение графине Виельгорской и получил отказ. Навязывать же ему влечение к собственному полу — нелепость; противоестественный порок сей никто не в силах укрыть от современников, тем более писатель, — у него его интимные склонности, волей-неволей, найдут отражение в творчестве.

Исследователи грядущих дней, без сомнения, будут только головами покачивать, читая теперешние домыслы по адресу великих художников в коих выражается сексуальная одержимость, охватившая ныне Запад. Славы самих этих мастеров литературы, дикие псевдосенсационные напраслины на них, не омрачат никак. Хотя, правда, издание о них всякого хлама на иностранных языках для невежественной публики, ничего не понимающей в русских делах, немало способствует затемнению ее мозгов, на какой-то срок.

Удары врагов России метят в тех, кто составляет ее честь и славу, чей талант и чужестранцы принуждены признавать. И в первую очередь тех, кто ярче всего выражает наш национальный характер и вечные идеалы святой Руси.

Тем более должны мы быть благодарны бессмертным нашим соотечественникам, тем более мы обязаны оборонять их память. Перед фактом непрерывно вздувающегося потока клеветы, всё отчетливее чувствуется необходимость создания какого-либо авторитетного общества защиты русской культуры, которое могло бы выступать с протестами каждый раз, когда вываливается хулителями на стол очередная зловонная мерзость.

Например, если бы оно существовало, оно не преминуло бы поставить г-же Шаховской вопрос по поводу ее книги «Отражения», где она, — вкладывая, правда, эту гнусность в уста покойному Бунину, с которого взятки гладки, — пишет про Есенина, будто он «ухаживая, приглашал посмотреть как пытают в ЧеКа», но что он «не выдержал и сам себя наказал».

Кому, когда и где Есенин делал подобные приглашения? Его биография достаточно известна, включая список всех женщин, кем он увлекался. Пусть бы Шаховская назвала хотя бы одно имя! А ведь она, видимо, подразумевает м н о г и х... Если Бунин впрямь подобное говорил, то, вероятно, будучи не в себе, или выпивши, находясь в состоянии аффекта, либо в нетрезвом виде. Но как же допустимо повторять такие нелепости в печати, не имея за душой доказательств?

Взлёт ненависти к Есенину в известных иностранных и эмигрантских кругах совпал случайно или же тут имеется связь? — с правдивым рассказом в работах подсоветского литературоведа П. Ф. Юшина об его участии в монархическом заговоре и об его, скрываемых при советском режиме, но все же прорывавшихся подлинных взглядах.

Напомним читателям, что стихи «последнего поэта деревни», посвященные Царице и Царевнам, о существовании которых известно, так тщательно скрываются от публики, что добраться до них — практически невозможно, ни по ту, ни еще меньше — по эту сторону железного занавеса. А разве эмиграция не имела бы права их прочесть?

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

НА РОДИНЕ

589. БОРЬБА ЗА БАБ-ЭЛЬ-МАНДЕБСКИЙ ПРОЛИВ. — ТРИУМФ МАРШАЛА ТИТО В ПЕКИНЕ ОБОРАЧИВАЕТСЯ ПРОТИВ СССР. — МОНАРХИСТ ПРИКОВАЛ СЕБЯ К СОВЕТСКОМУ ПОСОЛЬСТВУ В РИМЕ. — МИТРОПОЛИТ НИКОДИМ ВНОСИТ СОКРАЩЕНИЯ В ТЕКСТ ПРАВОСЛАВНОЙ ЛИТУРГИИ. — Е. Г. САХАРОВА ПРИБЫЛА С СЕМЬЕЙ В РИМ.

Совершенно неожиданно Брежнев пригласил в Москву своего бывшего союзника сомалийского премьера Барра и имел с ним трехчасовую беседу. После этого они простились. По возвращении в Могадиш Барр доложил своему правительству, что Брежнев предложил ему согласиться на перемирие. Брежнев сообщил ему, что хочет поставить Баб-эль-Мандебский пролив, соединяющий Индийский океан с Красным морем под контроль четырех союзников: СССР, Южного Иемена, Сомали, Эфиопии и Кении, которую они еще должны убедить вступить в эту федерацию.

Между тем Египет и Судан собирают силы, чтоб в подходящий момент вторгнуться в Эфиопию, где они встретят сочувствие религиозного крестьянства и разных поместных феодалов, скрывающихся в лесах во главе небольших партизанских отрядов.

Положение напоминает Россию в 1919 году, когда Красная Армия терпела поражение за поражением и только политические ошибки белого командования привели к закреплению советской власти.

В Арабскую Лигу просятся вступить две бывшие французские колонии: Джибути и Коморский Архипелаг. Первую охотно примут, но против второго Сирия выдвигает формальное препятствие: в Лиге говорят только по-арабски, а правительство Архипелага объявило государственным языком французский. Это мне напомнило мой полет в Тунис, где уличные мальчишки просят милостыню на самом правильном французском языке.

•

Отдохнув на берегу Байкальского озера в привилегированном особняке для советских бюрократов, посвежевший Тито выехал в Северную Корею, где гостил два дня у ее диктатора Ким-Ир-Сена. Он похвалил успех его политики и пожелал осуществить объединение страны **мирным путем.** Другими словами дал собеседнику понять, что не одобряет повторения авантюры 1950 года, когда коммунистические северяне напали на южан, которые сразу получили поддержку 12 военных отрядов членов Объединенных Наций.

После этого Тито вылетел в Пекин, где был встречен президентом, 4-мя вице-президентами, всеми министрами академиками, военачальниками. Он первый из иностранцев, который присутствовал на открытии памятника Мао-Тзе и поклонился его набальзамированному трупу.

Затем присутствовал на «народном празднике» и ездил кататься к Великой Китайской Стене. Из обмена тостами и благопожеланиями выяснилось, что это соглашение двух независимых государств при различной партийной идеологии. Таким образом еще раз похоронен ленинский тезис о «диктатуре пролетариата» и о руководстве мировой революцией из Москвы.

Тито завещает руководство страной и партией тому, кого сам укажет. В Китае же уже кризис прошел: вдова Мао и ее три друга исключены из партии и находятся по меньшей мере под домашним арестом, новая правящая верхушка идет по пути индустриализации и создания военной мощи. При намеченном соглашении с США эта военная мощь будет направлена против Советского Союза.

Таким образом можно полагать, что Тито пожелал застраховать Югославию от вызванной из Москвы смуты, заручившись обещанием создания в таком случае угрозы со стороны Пекина конфликта на Дальнем Востоке, что заставит Брежнева или любого его преемника отказаться от военных авантюр на Балканах во дни погребения маршала.

•

20-го августа с. г. в половину одиннадцатого утра перед закрытыми и охраняемыми карабинером воротами советского посольства на виа Гаэта № 5 в Риме появились 4 соратника «Фронта монархической молодежи» в Риме. Пока трое из них раздавали всем входящим в калитку листовки с протестом в день годовщины оккупации Чехословакии в 1968 году, четвертый, воспользовавшись их спорами с карабинером, приковал себя замком на цепочке перед воротами и повернулся лицом к улице, на которой его заснял заранее приглашенный фотограф газеты «Иль Темпо». Он громко назвал себя: «Я член Итальянского Фронта Монархической Молодежи Лючиано Аттилати, 18-ти лет, проживаю на улице Томазини. Читайте, что написано на привешенном к моей шее плакате».

На плакате было написано: «Прага. 68. Из пепла свободы выростет новое сопротивление». Каждая буква величиной в полметра была ясно видна проходившим по другой стороне тротуара неширокой улицы. Поэтому все прохожие устремились к прикованному «Прометею Свободы». Растерявшийся карабинер побежал в ближайшую казарму, чтобы вернуться через 10 минут с отмычкой и отцепить юношу от ворот.

За это время собралась толпа, среди которой была роздана листовка: «Когда свободный мир дал себя усыпить хлороформом еврокоммунизма и все, как кажется, позабыли героическое сопротивление и самопожертвование наших братьев на Востоке, когда всякое упоминание о совершенном насилии над свободной страной и о коммунистическом гнете за железным занавесом кажется риторикой и уже изжитым антикоммунизмом, мы, сильные нашим убеждением и любовью к свободе, хотим напомнить всем, кто делает вид, что ничего не видят и не слышат, что еврокоммунизм является исполнением заранее разученного урока и натасканные артисты исполняют свои роли пацифистов, либералов и демократов, а театральной сценой является Италия».

Пока карабинер бегал за отмычкой, прибыли фотографы двух крупных независимых газет и на другой день на первых страницах могли видеть прикованного юношу читатели консервативного «Иль Темпо», либерального «Иль Мессаджеро» и самой старинной газеты в Италии миланского «Иль Коррьере делла Сера».

•

До сих пор Московская Патриархия не изменила ни одной фразы в текстах богослужебных книг.

Трудно сказать: повлияло ли на эк-

ВЛАДЫЧЕСТВУЮЩАЯ ИДЕЯ*)

Можно ли говорить о Достоевском в эпоху водородного оружия? Все уже сжимается круг тем, на которые у человека остается время, так как скоро «времени больше не будет».

Все религиозно-философское знание, если оно в нас есть, мы носим не в книгах, а в сердце, так как в условиях точно фронтовой жизни современности книги носить с собой невозможно. А сердце, хоть и безмерно, но очень разборчиво: только действительно нужное вмещается в нем. Как быть с Достоевским?

В вагоне американского метро, как рассказывает американский писатель Бредбери, среди гула пропаганды нейлоновых чулок, вдруг отчетливо прозвучали кем-то громко сказанные слова Евангелия. Парижская газета в феврале 62 года сообщала о стихийном образовании во Франции новой партии, вся пропаганда которой состоит из двух слов: «телевизор и холодильник». И вот в этом вагоне современной жизни многие слова Достоевского звучат с евангельской силой. Что это значит и как это может быть? Как объяснить тот факт, что по анкете одного французского журнала, опубликованной в марте 1957 года, на вопрос о любимом писателе из 500 парижских студентов 429 назвали Достоевского?[1]) Почему не Бальзака, Хемингуэя или Горького? Почему этот самый Хемингуэй поместил «Братьев Карамазовых» в список своих любимых книг?[2]) И почему Эйнштейн сказал, что «Достоевский дает мне больше, чем любой мыслитель?»[3]) Почему все эти люди нуждаются в Достоевском и тянутся к нему, как к «собирателю русского сердца», по выражению француза Вогнэ? Наше ухо научилось различать всякую фальшь и всякое бессилие религиозно философской мысли. Мы знаем, что мы живем в эпоху этого бессилия, что все больше оскудевают святые в мире, что все дальше мы уходим от земли Первоначальной Церкви, не уклонявшейся от «простоты во Христе». В этой ее благодатной простоте была сила и власть, и вот — удивительное дело — мы ощутили ее — эту простоту — среди сложности, смятения чувств и темноты Достоевского. Впрочем, почему удивительно? «Дух дышет, где хочет», а Первоначальная Церковь во все века истории сохранялась и будет сохраняться в том «монастыре в миру», идею которого нам передает Достоевский не только в «Братьях Карамазовых». Удивительно другое: многие этого или совсем не знают, или не умеют отделить основной христианский путь Достоевского от тех темных и трудных перипетий, которые ему предшествовали, а в каком-то смысле и сопровождали его до конца. Открытая исповедь христианства в искусстве началась у него с 1864 года и после этого непрерывно продолжалась до смерти в 1881-ом году. Это эпоха «Преступления и наказания», «Идиота», «Бесов», «Подростка», «Братьев Карамазовых», «Дневника писателя» и переписки со всей Россией. Эта исповедь нам нужна: среди литературной пустыни это колодец студеной воды, полученный нами как драгоценное наследство. Многое в нем близко именно нам, нашей эпохе.

Над миром стоит зарево ненависти и разъединения. Невидимые скрепы, соединявшие как то людей, все больше ослабевают. В холоде абстракции расщепляется искусство, все более делаясь «дорогой в никуда». Холод смерти проникает и во «внешний двор храма» церкви. Конечно, мы знаем, что кроме этого «внешнего двора» есть еще, как сказано об этом в Откровении, «храм Божий и жертвенник», но и мы чувствуем из какого зияющего пролома в стене так потянуло холодом в церкви. Вера уже давно в веках перестает быть трепетным чувством сердца, делом подвига жизни, делом личной голгофы и воскресения. Все чаще и торжественней международные христианские съезды и все меньше Христа в истории.

И вот, обращаясь к Достоевскому, мы видим в его темном лабиринте такую ослепительную «нить Ариадны», что лабиринт делается широким и безопасным путем. В плане неосуществленного им романа «Житие великого грешника» есть одна заметка («для себя» Владычествующая идея жития, чтобы видна была, — то есть хотя и не объяснял словами всю владычествующую идею и всегда оставлял ее в загадке, но чтоб читатель всегда видел, что идея эта благочестива»[4]). Друг юности Достоевского, Шидловский, в одном стихотворении о себе писал о живущей в нем «первоверховной идее Божества».[5]) У Достоевского была одна «первоверховная» или «владычествующая» идея — явление в мире Иисуса Христа. В нем была ясная личная любовь к Христу, живому и осязаемому. «Господь мой и Бог мой!» — это восклицание навсегда обрадованного сердца и ума можно проследить, начиная с его каторжного периода и вплоть до смерти. В 1880 году он говорил студенту Зеленскому: «Я хотел написать книгу о Иисусе Христе, где намеревался показать, что Он есть чудо истории и появление такого идеала, как Он, в человечестве есть еще большее чудо».[6])

Все романы Достоевского после 65 года — это тоже, собственно, книги об Иисусе Христе. Именно в этих книгах современный читатель часто находит впервые слова о Христе любви и веры.

Достоевский называл Диккенса великим христианином, но сам он совершил несравненно больший подвиг исповедывания Христа. Вся его власть над людьми именно в этом исповедании, как бы случайно облекшимся в драгоценную форму художественной прозы. Может быть, исповедывания христианства в таком всемерном диапазоне, в такой открытости и распятии, мы больше уже никогда не услышим в искусстве. «Верую, Господи, и исповедую». Именно в этом все значение его и вся его сила, а не пресловутой психологичности, как самоцели. «Меня зовут психологом, — пишет он в записной книжке последних лет жизни. — Неправда, я лишь реалист в высшем смысле. При полном реализме найти в человеке человека. Это русская черта по преимуществу. И в этом смысле я, конечно, народен (ибо направление мое истекает из глубины христианского духа народного)».[7])

Неверующим страшно хотелось бы как-нибудь затушевать веру Достоевского. Уж очень им обидно, что мировой писатель мог верить и любить Христа. «Достоевский принуждал себя верить», — убеждают они нас. Но ведь это выходит совсем по-евангельски: «Царство Божие нудится, и только употребляющие усилие достигают его», — так сказано в Евангелии о присуждении себя к узкому пути веры. «Горнило его сомнений было ярче его осанны», — уверяют они же, опять, очевидно, не зная того факта, что у всякого истинно верующего его сомнения иногда бывают ярче его осанны, и что только в огне сомнений очищается золото веры. Исаак Сирин говорил: «Не было бы искушений — не было бы и святых». — «Верую, Господи, — помоги моему неверию!» Вот как нас учит Евангелие осознавать свою веру. Не Знают они того, что Церковь уже тысячелетия возносит «доброе неверие фомино», его — «не поверю, если не вложу руки моей в язвы Его». И апостолы сомневались: «И, увидевши Его, поклонились Ему; а иные усумнились». Истинная вера, вера не рефлекса, а сердечного ощущения, всегда опаляема противоречиями и сомнениями и всегда ищет преодоления их в том, чтобы вложить «руку мою в язвы Его». Ведь нам дано не только верить в бессмертие, но и ощущать его. Этой сердечной вере и учит нас Достоевский, со всеми противоречиями и сомнениями своего грешного ума. Впрочем, лучшим ответом на этот туман о его сомнениях будет факт укрепления в вере или приведения к вере множества людей именно через Достоевского.

Уже одно имя его и в наше время все продолжает говорить людям о пути к Христу, одно имя его стало во всем мире каким-то благовестом веры.

В июне 1959 года в подмосковной больнице умирал один старый священник (о. Петр Шипков). За несколько дней до смерти, проснувшись утром, он перекрестился и сказал: «Господи, как хорошо жить на свете!» Затем, неожиданно, обратился к присутствующим с такими словами: «Вам всем легко, — вы можете добрые дела делать, а священник чем оправдается?» В ответ на реплику, что священник может еще больше доброго сделать, он ответил: «Есть, которые делают, а есть и такие, что и подумать страшно...» Потом прибавил: «А у Достоевского, помните, Мармеладов говорит (о страшном суде): «А когда кончит над всеми, тогда возглаголет и нам: выходите пьяненькие, выходите слабенькие... И всех рассудит и простит, и добрых и зых, и премудрых и смирных... Тогда все поймем и все поймут».

Вот как монолог в трактире, написанный сто лет назад петербургским литератором, отозвался в сердце умирающего священника. Истинно можно сказать, что всякое слово любви о Христе «живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого» и не имеют над ним власти ни время ни неприязнь.

У Достоевского было время угасания веры: его первый литературный период 45 49-го года — но, кажется, даже и в эти темные годы в нем как-то сохранялся нерукотворный образ Христа.

Вера Достоевского была верой Голгофы, а не гуманизма, верой трагической, т. е. стремящейся повторить в себе всю Евангельскую быль: христианство он воспринимал не как доктрину для добродетельного поведения, а как соучастие человека и человечества в жизни Богочеловека Христа, в Его смерти и воскресении. Отсюда единство его восприятия любви и страдания, столь пугающее многих.

Вспоминаются слова одного монаха: «Любовь Христова есть блаженство, ни с чем не сравнимое, и, вместе с тем, любовь эта есть страдание, больше всех страданий. Любить любовью Христа — это значит пить чашу Его, ту чашу, которую Сам Он просил Отца «мимо нести».

Вера Достоевского была верой покаяния и любви, среди «невидимой брани» сомнений и соблазнов, при явном еще несовершенстве всей его жизни и мысли. В черновых материалах к одному роману у него есть такая фраза (характеристика персонажа): «Он установился, наконец, на Христе, но вся жизнь — буря и беспорядок». Это и есть Достоевский, и мы верим ему не как иконописному и неживому прорицателю, а, пожалуй, как разбойнику, тоже вознесенному на крест, как в Иерусалиме, и просвещенному там божественным благоразумием. Но как сказал один француз: «Никто так не понимает христианства, как грешник, никто, разве что святой»,[8]) а мы бы добавили: и святой только потому, что и он есть кающийся грешник. Именно от слов такого Достоевского, от его русской веры в Христа-Царя небесного, идущего в рабском виде по земле, как сказал Тютчев (об этом с таким убеждением говорит Иван в «Карамазовых»), идет к нам ясный и яркий свет, точно вспыхнувший указатель в темноте современности. А что касается того, не поздно ли в наше время убеждать в чем то людей, не слишком ли уже далеко зашел процесс дехристианизации человечества и формирования нового язычества, то я думаю, что об этом нам не дано знать. Мы должны делать свое дело исповедывания христианства, а Господь знает пути свои и судьбу мира.

Незадолго до смерти Достоевский писал: «Да, конечно, настоящих христиан... ужасно мало. Но почему вы знаете, сколько именно надо их, чтобы не умирал идеал христианства в народе, а с ним и великая надежда его... чтобы не умирала великая мысль» («Дневник писателя» 80-го года).

*) **Глава I из книги «Наследство Достоевского», распространяемой на правах рукописи.**

[1]) **См. послесловие И. Кашкина к его переводу рассказов У. Фолкнера, М., 1958, стр. 165.**

[2]) **Э. Хемингуэй, «Стрельба в лёт», «Охотничьи просторы», М., 1950, № 15.**

[3]) **Кузнецов Б., «Энштейн», АН СССР, М., 1962, стр. 87.**

[4]) **Вып. I Центрархива 1922 г., «Исповедь Ставрогина» и план «Жития великого грешника».**

[5]) **«Русский Архив 1886» г., № 9, Решетов, «Люди и дела давно минувших лет».**

[6]) **«Исторический Вестник» 1901 г., март, Зеленский, «Три встречи с Достоевским».**

[7]) **Чешихин-Вертинский, «Ф. М. Достоевский в воспоминаниях, письмах и зап. книжках», М., 1912 и 1923.**

[8]) **Ш. Пеги, Эпиграф к «Сути дела» Грэм Грина.**

ОБРЕТЕННЫЙ ПОКОЙ

Глава XII из той же книги

...Можно сказать, что та соборность, то церковное единство людей, о котором так мечтал всегда Достоевский, совершенно неожиданно открылось во время его похорон.

«Еще никогда никого т а к не хоронили; ничего подобного не видывал Петербург», — пишет И. Аксаков через несколько дней после похорон. «Все эти внезапные, не предуготовленные, не предумышленные, а потому несомненно искренние изъявления участия, признательности, уважения, — все это чествование, так нечаянно, само собой, вдохновенно

зарха Патриархии в Западной Европе митрополита Ленинградского Никодима новая католическая литургия, но он в своей митрополии ввел сокращения в текст православной Литургии, как Иоанна Златоустого, так и Василия Великого.

Прежде всего, как мне передавали, исключена полностью вся ектения об оглашенных, тайная молитва пыстыря об оглашенных и диаконский возглас: «елицы оглашенные изыдите...» Вместо него диакон возглашает просто «паки и паки миром Господу помолимся».

В проповедях для своей паствы Никодим пояснил, что в современной православной церкви нет понятия об «оглашенных». Желающий креститься приходит к пастырю, получает наставление и затем сознательно крестится. Был случай, что пришел на исповедь безбожник, его привлекло любопытство, но слова пастыря заинтересовали. Он пришел вторично, стал изучать катехизис и наконец не только сознательно принял крещение, но и сам стал священником.

Другое сокращение относится к тому редкому в столице случаю, когда священник знает, что не было исповедников и потому не будет сегодня за литургией причастников. В таком случае священник и диакон причащаются, как положено, но затем священник в алтаре возглашает: «Спаси Боже люди Твоя и благослови достояние Твое».

Святые дары переносятся на жертвенник и служба кончается обычным порядком. Митроп. Никодим считает унизительным открывать Царские Врата и взывать: «Со Страхом Божиим...» если пастырь заранее знает, что никто не отзовется и ему придется унести Святые Дары и ставить опять на Престол.

Эти нововведения не приняты вне епархии, но по ним уже служат студенты академии и семинаристы в священном сане.

Мне довелось слышать от вновь прибывших и одобрения и порицания этим изменениям. Многие говорят, что служба после проскомидии продолжает оставаться литургией оглашенных и самый термин остается. Если кто исповедался в другом храме, то почему ему не дать причастия. Но на это возражают, что он обязан об этом предупредить причт. Вообще же при отсутствии причастников на клиросе не читают ни одну из молитв для причастников, а потому и нечего открывать Царские Врата и выносить Дары лицом к народу.

Во всяком случае вопрос о сокращениях заинтересовал верующую паству, вызывая среди нее разные отзывы.

●

5-го сентября вечером прибыла в Рим Елена Георгиевна Боннер-Сахарова в сопровождении дочери от первого брака Татианы, ее супруга и двух внуков. Она отправится из Рима в Сиену, а дочь с мужем и внуки проедут из Рима в США, где Янкелевичу уже предоставлена кафедра в одном из университетов. Официально семья Янкелевичей выехала в Израиль по вызову проживающего там его брата Давида, но вместо Израиля зять знаменитого академика проследует прямо в Нью Йорк.

Сама Елена Георгиевна проедет в Сиену, где проф. **Ренато Фреццотти** ей оперирует левый глаз, как два года назад благополучно оперировал правый. При отъезде из Москвы их сопровождал в аэропорт Андрей Дмитриевич, который расстается с женой на два месяца, а с жившими с ними зятем, невесткой и маленькими внуками, вероятно, навсегда.

Сопровождавшие их иностранные журналисты пишут, что академик имел расстроенный вид, когда прощался со своими перед их посадкой на самолет. Конечно, многочисленные друзья и единомышленники будут его навещать, помогая скоротать два месяца одиночества. Но на этот раз при полном успехе первой операции нет оснований беспокоиться за исход второй.

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

Я. Т.

Живопись из СССР

Вместе с волной 3-й эмиграции на Запад прибыла целая группа художников неконформистов. Их очень деятельный лидер, Александр Глезер, организовал выставку их картин в Париже, Лондоне и других городах. Особого успеха они не имели. В Лондоне, по сообщению Жанны Вронской, квалифицированные критики дали им такую оценку: «Подражание Западу с опозданием лет на двадцать и ничего русского».

Но русский художник национального направления, Илья Глазунов, неизменно имеет успех, как у себя на родине, так и за рубежом. Недавно те же неконформисты, совместно с писателями, тоже из 3-ей волны, целая группа в 9 человек, пытались Глазунова опорочить недостойной завистливой и бездоказательной статьей в «Н.Р.С.», но были уничтожены разоблачительной критикой А. Скуратова, тоже пришедшей из СССР. (См. «Наша Страна» №№1418 и 1425).

Но вот П. Савельев в своем очередном «Калита» в «Нашей Стране» № 1430 приводит сообщение А. Стремоухова (из «Часового»), что в Кельне, в Германии, состоялась, прибывшая из Советской России, выставка картин Ильи Глазунова, которая опять имела огромный успех, как у русских, так и у немцев. Для представления, что это за картины, назову некоторые из них: «Князь Игорь», «Иоанн Грозный», «Ферапонтов монастырь», «Дороги войны» и т. д., а также типы русских женщин и прочее. Отрадно было прочитать у Стремоухова, что русское национальное искусство, несмотря на все его глушения, продолжает жить и влечет к себе сердца русских людей и живой интерес иностранцев.

И вот еще важное известие, что не умерла и русская религиозная живопись. Е. Разумовская сообщила из Вены в «Русскую Мысль», что туда в ноябре 1976 года прибыл из Советской России художник Владимир А. Бугрин и привез свои картины религиозного содержания. В Вене, в Доме Искусств, как раз была организована выставка «Русский Февраль». Там и выставил свои картины Бугрин. «Реакция публики, — пишет Разумовская, — была неожиданной: удивленные и восторженные люди стояли перед картинами, открывшими им совершенно новый духовный мир». Успех выставки был столь необычайный, что архиепископ Вены кардинал Франц Кениг предоставил Бугрину для продолжения его выставки два зала кафедрального музея, где она продолжалась с 12-го мая до конца июня. «То же самое и на этой выставке, — пишет Е. Разумовская, — я видела только радостные счастливые лица многочисленных посетителей». Затем выставка была отправлена в Зальцбург, где она пробыла до конца августа, во все время знаменитого музыкального фестиваля, где с выставкой познакомились любители музыки, съехавшиеся со всех концов мира.

К сожалению Е. Разумовская ничего не сообщила о содержании картин Бугрина, даже не дала их названий, хотя бы некоторых из них для примера. О самом Бугрине она сообщила следующее. Он родился в семье художников в 1938 году, окончил художественно-промышленное училище и затем работал преподавателем и реставратором. В частности работал над реставрацией знаменитой Тихвинской чудотворной иконы Божией Матери. Арестовывался за участие в подпольных обществах и за религиозное направление в живописи. Конечно, такие люди в СССР только вредны, но как Бугрина выпустили вместе с картинами остается тайной. Может быть, для того, чтобы показать Западу, что религия в СССР не преследуется.

Так или иначе, но радостно знать, что русская религиозная и национальная живопись, несмотря на все преследования и глумления, в лице даровитых художников Ильи Глазунова и Владимира Бугрина, продолжает жить, питаясь подспудными соками неугасимого русского религиозно-национального сознания.

Я. Т.

Генерал-майор М. МОИСЕЕВ

РАЗГОВОРЫ С ПОДСОВЕТСКИМИ

В городе Аделаиде, Южная Австралия состоялась советская механическая выставка. Она заняла большой участок павильона, предназначенного для автомоторов; по соседству расположились различные отделы австралийской промышленности, ни в чем не уступающие советской.

Разобравшись в обстановке, я вступил в разговор с земляками. Завязалась дружеская беседа. Я сразу же заявил, что я офицер Императорской армии, и участник борьбы с красными. Но этим разговор не прервался, посыпались расспросы и пришлось пространно рассказать о революции и гражданской войне.

Вспоминая Корниловский ударный полк, я показал его значек, который всех очень заинтересовал, как и весь «доклад». Слушатели были молодого поколения, все было для них ново, были и восклицания такого рода: «этого в школе нам не говорили». Если верить им, то в Москве побочным путем можно иметь «Русскую мысль», особенно пользующуюся успехом среди еврейской среды, «Часовой», как аполитичный национальный журнал и «Наша Страна» особенно по душе военным и всем настоящим русским. Особенно они имеют успех среди студентов и членов ВСХСОН в настоящее время находящегося под спудом.

Церковь наша, нами сооруженная в стиле 14 го века, с позолоченными куполами, выглядит как что-то сказочное. Подсоветские, идя из отеля на выставку проходят мимо неё, выражают свои восхищения и поражаются, как один выразился, созданием русскости и сохранения православия.

Да, в такие моменты, как когда встречали в Австралии русские храмы, многие просто перерождались. В это воскресение состоялся слет русских скаутов, все были в формах, подтянуты, разных возрастов, но все с молодыми душами, верны своему девизу «Будь готов» и России, хотя многие ее и не видали, но любовь к ней унаследовали от белых отцов. Обстановка благоприятствовала, сложилась возможность «свести» скаутов и пионеров. Руководители скаутов готовы были поддержать идею, (встреча скаутов и пионеров), но время не позволило, а желание было и с одной и с другой стороны. Кончилось тем, что три подсоветских человека пошли к скаутам и увидали их в русской форме, и на погонах — национальные ленточки — впечатление, как говорили они, такое, что нельзя и передать — «Для нас это был сон, жива Россия, наших дедов, и прадедов».

Возвращаюсь к выставке. Сотни и сотни людей стоят у касс, раздаются красные летучки с серпом и молотом, но как видно, большинством публики игнорируются. Были летучки, изданные союзом студентов либералов, где было упомянуто о Солженицыне и других антикоммунистах. Взяв таких 50 60 листов я снабдил ими на выставке подсоветских. Они охотно их брали. Многие были заграницей первый раз. О Буковском узнали только здесь, особенно были поражены приемом Буковского американским президентом. «Над этим — говорили они — надо задуматься»

Разговаривали о Белой борьбе и о том что будет, если будет война.

Я коснулся вопроса общей войны, и предсказал, что она будет, ибо красные нигде не отказываются от свой цели мирового господства. Я допускаю первые успехи Красной Армии — это возможно, при молниеносном движении войск, но при первой задержке разлетятся все союзники Варшавского пакта и тут к сожалению война будет не с СССР, а с Россией. Кой-кто почесал затылок, некоторые отошли в сторону, один едко сказал, что в прошлую войну пришлось наружный вид красноармейца привести в солдатский вид, т. е. надеть погоны, восстановить старую георгиевскую ленточку и вообще воскресить солдата, напомнить ему его великое прошлое, имена старых полководцев, побеждавших врагов без коммунистической партии. После этого нашелся один, который сострил: «в ту войну нашли полководцев, восстановили часть разрушенных церквей — теперь наверное будут на рукава нашивать церквушки».

Кто-то из более молодых сказал, что ученые доказали, что нет Бога. Тогда мой сын Игорь, изобретший корабль движущийся благодаря колебанию воды и 6 ти цилиндровый мотор — 3 мотора работают паром, а 3 бензином — отпарировал: «Какие ученые? Ведь Менделеев, Павлов, Ньютон, Паскаль, все были верующими».

Заканчивая, хочу добавить, что приходилось видеть «разных» сортов подсоветских и можно обобщить, что более искренними были не интеллектуалы, а, скажем, простые матросы. Здесь душа, как говорят нараспашку.

Генерал-майор М. МОИСЕЕВ

Из редакционной почты

Дорогая редакция!

«Недавно один мой приятель прислал мне... для ознакомления несколько старых номеров Вашей газеты. Впервые за полтора года жизни в эмиграции я получил удовольствие держать в руках русскую газету, которая действительно имеет полное право называть себя таковой. Интересный подбор материала, грамотный политический комментарий, а главное — хороший русский язык — несомненно отличают её от всех прочих больших и малых эмигрантских газет. Ну, и чисто объективная причина: «Наша Страна» вполне отвечает мне по духу. Дело в том, что в Москве я принадлежал к монархической студенческой группе, которая до самого последнего времени, даже после её разгрома со стороны КГБ, продолжала вести просветительскую деятельность, и надо сказать, не без успеха. Сейчас этой группы нет — слишком уж неравными оказались силы, — но я знаю, что среди русской молодежи очень много теперь монархистов; собственно, это подавляющее большинство православной молодежи. Наверняка есть и монархические группы.

О причинах молчания на Западе по поводу русского национального движения говорить, видимо, не стоит: они всем нам хорошо известны. Но вот что меня удивило по приезде сюда, так это фактическое отсутствие русской национальной периодической печати, тем более странное, что большинство **русской** эмиграции, как мне показалось, всё-таки настроено монархически. Теперь я убедился, что такая печать есть. Оттого я не только с удовольствием подписываюсь на Вашу газету, но и буду впредь считать своим долгом всяческую её популяризацию. Мне думается, что многие русские 3-ей эмиграции с удовольствием стали бы её читателями, знай они, что эта газета существует.

Желаю Вам, дорогая редакция, дальнейших успехов в Вашей благородной деятельности».

сложившееся, — исполнено важного смысла».[9])

«Никогда еще не бывало такого русского братства, сплотившего воедино, — читаем мы в одном отчете о похоронах. — Это были национальные русские проводы национального русского писателя... Толпы народа, провожавшего тело, состояли из 25-30 тысяч человек... На всем пути процессии по обе стороны Невского проспекта шпалерами стоял народ. Во все время следствия — от Кузнечного переулка до ворот Александро-Невской Лавры — пели неумолкаемо «Святый Боже» воспитанники и воспитанницы учебных заведений, каждая группа отдельно и вполне самостоятельно, причем, в виде широко раскинувшейся процессии, не слышно было диссонанса. Пели юнкера Николаевского инженерного училища, пели гимназисты, гимназистки, студентки, студенты, пели хоры любителей и владимирские певчие. В особенности стройно пели любители, курсистки и студенты. Погребальное шествие тянулось чинно, без давки и толкотни. У ворот Лавры вышли навстречу воспитанники духовного училища и семинарии, духовенство в полных облачениях с монастырской братией и певчими... Похороны происходили на другой день в воскресенье 1 февраля» (О. Миллер, приложение, стр. 85-92).

На следующее утро Владимир Соловьев, который вместе с другими выносил гроб из храма, сказал над могилой: «Мы, собравшиеся на могиле, чем лучшим можем выразить свою любовь к нему, как если согласимся, что любовь Достоевского есть наша любовь и вера Достоевского есть наша вера. Соединенные любовью к нему, постараемся, чтобы такая любовь соединила нас и друг с другом. Тогда только воздадим мы достойное Духовному вождю русского народа за его великие труды и великие страдания».[10]) Вот как удивительно совершились эти похороны. Конечно, не русский народ, тогда, в 80-х годах прошлого века еще глубоко живший в ощущении своего водительства старцами и святыми, но русская интеллигенция, стремящаяся к вере, действительно теряла в нем духовного учителя, а, главное, духовенство — друга и отца. Достоевский приводил ее к Вере, не только не отрывая от любви, приводил к небу, не только не отрывая от земли, но, наоборот, научая любить эту землю такою же любовью, какою любят мать.

Вскоре после его смерти И. Аксаков писал: «Смерть Достоевского — истинное наказание Божие. Только теперь вполне раскрывается нравственное его значение как учителя для молодых душ. В нем обретали себе опору и смелость высшие, нравственные идеалы, смутно и робко носимые в душе то того, то другого юноши. Ибо в сущности «угнетенным» и «оскорбленным» должно считаться религиозное и нравственное чувство в среде русской интеллигенции. Молодому человеку нужна большая доля мужества и самостоятельности, чтобы дерзать питать и исповедать его в себе» (февр., 81, к Победоносцеву).

«Я поехал поклониться его праху, — пишет Кони. — На полутемной неприветливой лестнице дома на углу Ямской и Кузнечного переулка, где в третьем этаже проживал покойный, было уже довольно много направляющихся к двери, обитой обтрепанной клеенкой. За нею темная передняя комната с тою же скудной и неприхотливой обстановкой, которую я уже видел однажды. Федор Михайлович лежал на невысоком катафалке, так что лицо его было всем видно. Какое лицо! Его нельзя забыть... На нем не было ни того, как бы удивленного, ни того, окаменело-спокойного выражения, которое бывает у мертвых... Оно говорило, это лицо, оно казалось одухотворенным и прекрасным... Тление еще не успело коснуться, и не печать смерти виднелась на нем, а заря иной, лучшей жизни как будто бросала на него свой отблеск... Я долго не мог оторваться от созерцания этого лица, которое всем своим выражением, казалось, говорило: «Ну да! Это так, — я всегда говорил, что это должно быть так, а теперь я знаю».[11])

И Анна Григорьевна вспоминает: «К часу ночи усопший уже возлежал на погребальном возвышении. Пред изголовьем стояла этажерка с образом и горящей лампадкой. Лицо усопшего было спокойно, казалось, что он улыбается какой-то узнанной им теперь великой правде».[12])

Существует еще один документ, вполне подтверждающий слова и Анны Григорьевны и Кони — замечательный карандашный рисунок Достоевского в гробу, сделанный Крамским на следующий день после смерти. На лице усопшего — «покой субботнего дня». Литератор Достоевский увидел своего Христа и Его Пасху.

«ВЕЧЕ» № 4
(автор не указан)

---

[9]) **Аксаков И., «По поводу смерти Достоевского», газета «Русь», 7. 11. 1881 года.**

[10]) **О. Миллер и Н. Страхов, «Материалы для биографии», 1883г., стр. 5, 37, 38, 50, 77, 91, 94, 126, 257, 369 и др.**

[11]) **Кони А., «На жизненном пути», т. 5, Л., 1924, стр. 37.**

[12]) **«Воспоминания» А. Г. Достоевской, М., 1925 г., стр. 78, 79, 138, 192, 196, 212, 228, 233, 257, 269, 275.**

БЫЛЬ И СУТЬ

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ПРАВА

Новое соглашение между США и Панамой насчет канала, соединяющего Атлантический и Тихий океаны, послужило поводом для встречи в Вашингтоне ряда южноамериканских президентов с их североамериканским коллегой.

Президент Картер в начавшемся диалоге продолжал подчеркивать две темы: Южная Америка должна стоять в стороне от гонки атомного вооружения и должна внимательно относиться к так называемым «человеческим правам». Что касается первой темы, то вряд ли какая-нибудь южноамериканская страна серьезно заинтересована в атомном вооружении, может быть, единственно, за исключением Бразилии. Так что эта тема нереальна, а имеет чисто отвлеченный, академический характер. Что касается темы «человеческих прав», то как раз среди той части общественного мнения южноамериканских стран, которая симпатизирует США, с некоторой тонкой, типично латинской иронией, подчеркивается, что во многих отношениях эти права были лучше и раньше соблюдаемы в их странах, чем у их большого северного соседа.

В качестве примера, можно привести два высказывания на эту тему, опубликованные в ведущей аргентинской демократической газете «Ла Пренса». В номере от 26-го июня 1977 года, в статье «Человеческие права: элементарные размышления», указывается, что «первые построения, в которых утверждается систематически неприкосновенность некоторых прав и свобод человека... появляются в трудах великих фигур христианской философии средних веков». Автор, Федэрико Видела Ескалада, упоминает конкретно св. Фому Аквинского и испанских богословов Витория и Суарес.

Известный публицист и писатель Лэондро Пита Ромеро, в номере от 10-го октября 1976 года, в статье «Америка, колыбель человеческих прав», пишет: «Сегодня, когда столько говорится о человеческих правах, важно вспомнить насколько опередили наши предки те европейские революции, которые провозглашали эти права...». В статье дальше приводятся слова испанского историка Рафаэл Алтамира о проблемах, вызванных в испанском праве в связи с открытием Америки: «Чувство высшей справедливости, одушевлявшее Елизавету I», побудило испанскую Королеву «приказать Колумбу, чтобы он пустил на свободу индейцев, которых он привез в Испанию для продажи. Этот приказ был дан 20-го июня 1500 года, и эта дата является знаменательной ...потому что она указывает на первое признание уважения по отношению к достоинству и к свободе всех людей, какими бы примитивными они ни были. Этот принцип до этого не был провозглашен ни в каком законодательстве и еще меньше он практиковался. Это распоряжение было потом подтверждено и расширено, особенно грамотой 1526 года, в которой было объявлено, что все индейцы являются свободными людьми...».

Интересно, что когда 250 лет спустя, в 1776 году была объявлена независимость США, в ней говорится о «неотчуждаемых правах», которыми Создатель оделил людей. Однако, должно было пройти еще почти что столетие прежде, чем было ликвидировано рабство в этой республике. С другой стороны, южноамериканские республики никогда не были рабовладельческими и никогда не знали расовой дискриминации. Лучшим свидетельством этому служит смешанный состав населения, где индейцы не были вырезаны, и где преобладают метисы, вплоть до того, что в некоторых республиках, как например в Парагвае, полностью сохранился, рядом с испанским, старый индейский язык Гуарани, на котором говорит почти что все население этой страны.

К сожалению, вопрос о человеческих правах не форсировался во времена Ленина, Троцкого и «доброго старого Джо», как он не форсируется и теперь по отношению к народам Индокитая.

В этом разница между правом и правами: право объективно и абсолютно, а права относительны, в зависимости от идеологической оценки места и времени.

Г. ИВАНОВ

---

† **В 7-ую годовщину смерти**

ГЕОРГИЯ ФЕДОРОВИЧА БАШКИРОВА

во вторник 27-го сентября в храме Св. Троицы (Бразиль 315) после Божественной литургии, в 11 часов, будет отслужена панихида, о чем извещает вдова покойного

ДОПОЛНЕНИЕ

В газете «Наша Страна» (№ 1436) в статье М. П. Ракитина есть существенное упущение, которое мне хочется дополнить.

В течение очень многих лет доктор Павел Хорват безвозмездно лечит престарелых в доме Санта Рита, посещая его два раза в неделю. Доктор П. Хорват — врач-гериатр и клиник, — обладает добрейшим сердцем и большой русофил.

Доктор А. Ковригин

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

Е. А. ВАГИН

Нам пишут из Нью Иорка:

Один из основателей Всероссийского Социал-Христианского Союза Освобождения Народа Е. А. Вагин, эмигрировавший из СССР после отбытия в советском лагере срока, к которому он был приговорен за принадлежность к упомянутому Союзу, прибыл из Рима в Нью Иорк, где состоится организованное объединением «За Свободу России» собрание, в котором он сделает доклад на тему: «О путях религиозного и национального возрождения России».

КРИЗИС ООН

Нам пишут из Вашингтона:

Американский Еврейский Конгресс обратился к правительству Соединенных Штатов с просьбой о немедленном их отказе от участия в Международной Организации Труда. Эта Организация состоит, на словах, из представителей трудящихся и работодателей. Входящие в Организацию коммунистические государства фактически представлены своими правительствами, поскольку в них нет ни свободных профессиональных союзов, ни свободной частной инициативы. Однако, причиной обращения Американского Еврейского Конгресса к вашингтонскому правительству было не это, а принятые в последнее время Международной Организацией Труда многочисленные резолюции, направленные против Израиля.

В марте с. г. президиум этой Организации одобрил предложение Соединенных Штатов о внесении в ее устав поправки, на основании которой все предложенные Организации политические резолюции должны были бы быть предварительно одобрены особым Комитетом экспертов. Однако, в июне сего года пленум Организации подавляющим большинством голосов отказался эту поправку к уставу утвердить. В частности, против нее высказались все коммунистические и арабские государства. В своем обращении к правительству Соединенных Штатов Американский Еврейский Конгресс в резкой форме отозвался не только о них, но и об Аргентине и Чили, представители которых голосовали с большинством против предложенной Соединенными Штатами поправки. Правительство президента Картера не определило пока своего отношения к пожеланию Еврейского Конгресса.

США И КОММУНИСТЫ

Нам пишут из Вашингтона:

В июле сего года американские консульства в Москве и Париже отказали в въездных визах представителю французской Генеральной Конфедерации Труда Жаку Трегаро, члену коммунистической партии, желавшему принять участие в качестве гостя в съезде американских профессиональных союзов и произнести на этом съезде речь, и состоявшей из четырех лиц делегации советских профессиональных союзов, высказавшей такое-же желание. Теперь, однако, оба эти отказа в визах пересмотрены Вашингтоном на основании внесенной в американские законы поправки к постановлению, ранее запрещавшему иностранным коммунистам въезд в Соединенные Штаты. Поэтому и Трегаро, и советская делегация смогут участвовать в сентябре в съезде подпавшего под влияние местных коммунистов профессионального союза рабочих электрической и машиностроительной промышленности.

НЕВОЗВРАЩЕНЕЦ

Нам пишут из Лондона:

Агентство Рейтер сообщило, что не названный им советский дипломат, входивший в состав посольства СССР в Уганде, стал невозвращенцем и получил убежище в Соединенных Штатах, где находится с 21 го июля с. г.

Угандское радио подтвердило это сообщение. Со слов Угандского президента Амина, оно назвало невозвращенцем Борисом Итакой и «внуком одного из советских героев». Амин обвинил американское Центральное Разведывательное Агентство в том, что оно давно поддерживало связь с Итакой и способствовало его бегству из Уганды в Соединенные Штаты.

ДИССИДЕНТЫ

Нам пишут из Вашингтона:

Американские газеты сообщили следующие сведения о советских «диссидентах»:

В Ленинграде приговорена к двум годам тюремного заключения поэтесса Ю. Вознесенская. По сведениям, полученным из СССР выходящей в Нью Иорке «Хроникой текущих событий», в Киеве арестованы и находятся с 23 апреля с. г. в политизоляторе члены группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений 28-летний Мирослав Маринович и 30 летний Николай Матусевич. Обоим предъявлено обвинение в антисоветской деятельности. Тогда-же были произведены обыски в Киеве, Ровно и Дрогобыче. До Мариновича и Матусевича были арестованы члены той-же украинской группы Николай Руденко, Алексей Тихий и, в Одессе, Василий Берлодян.

Владимир Буковский обратился ко Всемирной психиатрической ассоциации, съезд которой состоялся в конце августа с. г. в Гонолулу, с ходатайством об осуждении советской практики заключения противников коммунистической диктатуры в СССР в психиатрические больницы.

Андрей Амальрик прилетел из Европы в Вашингтон по приглашению Джорджтаунского университета, в котором прочитает курс лекций на тему «Советский Союз в 60 тую годовщину революции».

МОСКОВСКАЯ ПАТРИАРХИЯ

Нам пишут из Мюнхена:

Немецкие антикоммунисты встревожены той активностью, которую проявляют в Берлине и в Западной Германии представители московской патриархии, выполняющие полученные ими из Москвы инструкции КГБ.

Эта активность распространялась в прошлом, главным образом, на живущих в Западной Германии русских эмигрантов, которых Москва пыталась завлечь в свои сети, привлекая их в число зарубежных мирян упомянутой патриархии. Кроме нескольких единичных случаев это агентам Москвы не удалось, но последнее время делаются попытки создать в Западной Германии немецкую православную Церковь, подчиненную московской патриархии.

В настоящее время эта патриархия представлена на западногерманской территории, включая западную часть Берлина, тремя епископами и двадцатью священниками. В Берлине живет митрополит Филарет (Бахромеев); в Дюссельдорфе — архиепископ Алексий (ван дер Менсбругге), бывший католический священник, по национальности голландец; в Мюнхене — архиепископ Ириней (Зюземиль), в прошлом иерей русской зарубежной Церкви в Австралии, лишенный сана за безнравственное поведение. Из двадцати священников шестеро живут в Берлине. Все они — советские граждане. Из остальных четырнадцати, живущих в Западной Германии, советским гражданином состоит только один. Почти все остальные — германские граждане. Вовлечением немцев в число мирян подчиненной московскому патриарху Церкви ведает Зюземиль. Ему удалось привлечь в задуманную в Москве будущую германскую православную Церковь двух немецких протестантских богословов — Германа Фальтентайера и Стефана Есса, — которые возведены Зюземилем в иерейский сан.

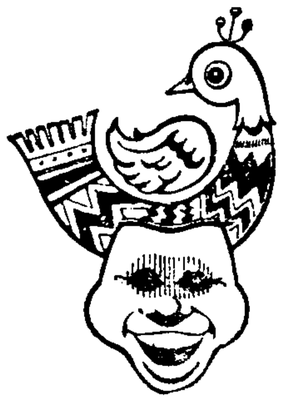
Ищут женщину для ухода за ребенком и для помощи в мелких хозяйственных делах, приходящую или живущую (кроме того, имеется постоянная прислуга).

Обращаться по адресу:

Avda. Santa Fé 1970 - Piso 22, Dep. E - 1123 Cap.

Требуются на сезонную постоянную работу, главным образом, вечерами и по субботам и воскресеньям: врач, преподаватель фехтования и спорта, буфетчик и буфетчица, молодежь для контроля и разрисовки, персонал для раздевалок и кухни.

O'Higgins 1368 — Tel. 797 - 1250 — 1602 Florida. Prov. Bs. As.



Р. Т. Д. Д.

В субботу 8-го октября в 20 часов

В воскресенье 9-го октября в 17 часов

„ТЕТКА ЧАРЛЕЯ"

в театральном зале ОРЮР

(ул. Буэнос Айрес 2655, Оливос, тел. 761-4044)

Вход — 700 пэсо.

НАША СТРАНА

ОРГАН РУССКОЙ МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Издатель-Редактор

Т. В. ДУБРОВСКАЯ

Соредактор

Н. Л. КАЗАНЦЕВ

Телефон Редакции: 52-7426.